

Произнесённая ровным тоном фраза прозвучала как гром среди ясного неба. У И Чуаня кровь застыла в жилах, холодок пополз по позвоночнику.

Он несколько раз оттолкнулся ногами от пола, потихоньку перемещая тело вбок, пока левое плечо не упёрлось в деревянную решётку, и лишь тогда остановился.

Глядя на то, как Немой поспешно отодвигается, Нин Фуи, стоявший в полуметре, повернул голову и посмотрел на него. Его невозмутимое выражение лица застыло, затем он усмехнулся, слегка приподняв уголок губ:

— Чего бежишь?

И Чуань не почувствовал тепла от улыбки Нин Фуи, наоборот, его пробрала дрожь. Он подумал про себя: «Ещё бы, наказание за провал задания — глухота — было замечено Нин Фуи. При его проницательности трудно не заподозрить, что с Немым что-то не так».

Он настороженно смотрел на Нин Фуи, боясь, что тот внезапно набросится и убьёт его.

— Отодвинулся так далеко. То ли уши зачесались, то ли жар не только уши, но и мозги подпалил? — Нин Фуи окинул Немого взглядом и неторопливо произнёс.

С этими словами он повернулся обратно и больше не обращал внимания на Немого.

Верно, — подумал И Чуань, вращая глазами. — Сильный жар может вызвать временную глухоту.

Похоже, Нин Фуи ещё его не заподозрил. Он успокоился.

Но тут же возникла другая проблема: судя по физическому состоянию Немого, он не мог за один день сна восстановиться до такого уровня.

Он скользнул взглядом по лицу Нин Фуи. Неужели главный герой сжалился и спас его своей сверхспособностью?

Но краем глаза он заметил на виске Нин Фуи длинный тонкий шрам, который уже перестал кровоточить, но всё ещё был отчётливо виден. Он нахмурился.

— Братишка... — прерванный голосом, И Чуань посмотрел на говорившую короткостриженую женщину. В голове всплыло: что она сказала? «Твой брат»? Откуда у него брат?

Лю Янь, увидев, что И Чуань наконец посмотрел на неё, изобразила угодливую улыбку:

— Ты... кем приходишься той девочке в красном платье?

Слова женщины заставили И Чуаня опешить. Какая ещё девочка в красном платье?

Он тщательно порылся в памяти и наконец извлёк из закоулков последнюю сцену перед тем, как потерял сознание: действительно, за деревянной решёткой стояла маленькая девочка.

— Э-э... — я её не знаю.

Прожив двадцать лет нормальным человеком, он всё забывал, что теперь он немой.

Он с мольбой повернул голову к Нин Фуи.

Как раз в тот момент Нин Фуи тоже повернулся.

Их взгляды встретились.

Нин Фуи опустил взгляд, уставился на рот Немого и сказал:

— Он не может говорить.

Лю Янь, услышав объяснение, наконец поняла, почему никогда не слышала голоса этого человека.

— Ничего, ты можешь писать. — Лю Янь подняла с пола камешек и бросила его перед И Чуанем.

Верно, столько времени после попадания в книгу, а он не подумал, что хотя он немой, но может писать.

И Чуань поднял камень, расчистил перед собой относительно чистый участок пола и уверенно начертал четыре больших иероглифа: «Я не знаю». Надо сказать, деньги на курсы каллиграфии в начальной школе были потрачены не зря — почерк был твёрдым и сильным.

Лю Янь смотрела, как Немой чертит на полу какие-то каракули, и нахмурилась, не понимая, что это значит:

— Что ты рисуешь?

И Чуань, любовавшийся своим почерком, опешил от этих слов и недоверчиво поднял голову на короткостриженую женщину, но её озадаченное выражение не было притворным.

Он повернулся к Нин Фуи и увидел, что хотя тот не так явно выражал непонимание, как женщина, но было ясно — Нин Фуи тоже не понял написанного.

И Чуань уставился на свои иероглифы.

Он лихорадочно перерыл память Немого. Вот это да! Не знал — так не знал, а узнал — обалдел. В этом мире была своя собственная письменность, и к тому же этот Немой был неграмотным.

То есть он, И Чуань, теперь не только немой, но ещё и неграмотный.

— Он не знает иероглифов. — На этот раз, не дожидаясь помощи И Чуаня, Нин Фуи сам сказал это за него.

Лю Янь явно не ожидала, что этот человек окажется настолько никчёмным, но вида не подала и улыбнулась:

— Ничего, я просто спросила. Ты можешь кивать или качать головой.

— Ты знаешь ту девочку в красном платье, верно? — Лю Янь смотрела Немому прямо в глаза.

И Чуань покачал головой. Он действительно её не знал.

Улыбка Лю Янь застыла. Та девочка, которая могла запросто достать дорогое лекарство и свободно разгуливать по этой тайной тюрьме, явно была непростой. Видя, как хорошо она относится к Немому, Лю Янь подумала, что, подружившись с Немым, возможно, она сможет убедить девочку выпустить её.

Не ожидала, что у этого Немого такой крепкий язык. Лю Янь скрипнула зубами. Он явно лгал.

— Та девочка дала тебе жаропонижающее. — Пустой флакон из-под лекарства протянулся перед глазами И Чуаня. Он мельком взглянул и связал всё воедино.

Нин Фуи не использовал сверхспособность, чтобы спасти его. Маленькая девочка принесла ему лекарство, поэтому та короткостриженная женщина решила, что он с ней знаком.

И Чуань не стал больше думать. Хотя его заперли в камере и неизвестно, что ждёт впереди, пока он рядом с главным героем, он в безопасности.

В камере не было встроенного освещения; свет и кислород поступали только через несколько кулачного размера отверстий в потолке.

На третий день заточения, кроме того, что один из приближённых Цзя Саня зашёл раз и дал каждому по куску прессованного бисквита, сюда больше никто не входил.

Большую часть времени И Чуань либо смотрел по сторонам, либо просто сидел в оцепенении. Хотя заключённые здесь были ещё живы, они производили впечатление полумёртвых — на лицах у всех застыла тупая серая безнадежность.

Короткостриженная женщина, которая сначала пыталась подлизаться к И Чуаню в надежде, через два дня, поняв, что девочка больше не приходила, перестала обращать на Немого внимание.

Нин Фуи с того момента, как И Чуань очнулся, всё время сидел с закрытыми глазами. Даже когда И Чуань протянул ему прессованный бисквит, он не обратил на него внимания.

Само собой, порция Нин Фуи тоже отправилась в живот И Чуаня.

На четвёртый день в камере.

Закатное солнце, проникая сквозь отверстия, озаряло серебристые волосы Нин Фуи, окрашивая кончики в золотисто-красный, затем медленно скользнуло на гладкий лоб, перешло на полуопущенные веки и отбросило мелкие тени на длинные ресницы.

Пользуясь последними лучами заката, И Чуань осмелился приблизиться к Нин Фуи и начал пересчитывать его густые длинные ресницы одну за другой.

Нин Фуи сидел неподвижно, линия его профиля была чистой, словно тщательно отшлифованной. Весь он, окутанный смутным ореолом света, напоминал фарфоровую куклу, выставленную в стеклянной витрине.

Строчка из стихотворения — «Осенняя вода — дух, яшма — кости» — без предупреждения врезалась в сердце И Чуаня.

Чёрт дёрнул его подумать, что если бы здесь была его младшая сестра, она, возможно, влюбилась бы в этого человека.

И Чуань, увлечённый подсчётом ресниц, не заметил, как за дверью послышался лёгкий шорох.

Затем звуки нарастали, шорох превратился в беспорядочный топот ног. Вслушиваясь, нетрудно было понять, что пришло не меньше десятка человек. В мгновение ока они приблизились к невидимой двери, и в следующее мгновение раздался оглушительный грохот — дверь с силой выбили.

Резкий удар оборвал счёт в голове И Чуаня, и сердце бешено заколотилось.

В испуганном взгляде И Чуаня глаза Нин Фуи медленно открылись.

Ресницы дрогнули, он поднял глаза. Глаза Немого были совсем рядом, но Нин Фуи, словно уже знал об этом, не выказал ни малейшего удивления.

Тёмные глаза Нин Фуи были глубоки, как бездонный омут, и неведомые чувства скрывались в этой черноте.

Но, как ни странно, хотя И Чуань не мог разобрать, о чём тот думает, когда этот взгляд лёг на него, недавнее смятение вдруг улеглось.

Нин Фуи посмотрел в глаза Немому и тихо произнёс:

— Всё в порядке.

<http://bllate.org/book/18668/1801350>